

Повествование о бродячем щенке, познающим мир, любопытном и наивном, о его встречах с добрыми и злыми людьми и животными. Немножко смешно, немножко грустно и очень-очень жизненно.

ШЕЛ ПО ОСЕНИ ЩЕНОК

Тамара Черемнова

ШЕЛ ПО ОСЕНИ ЩЕНОК

(повесть-сказка)

Тамара Черемнова. "Шел по осени щенок". Повесть-сказка для детей и взрослых

Аннотация

Повествование о бродячем щенке, познающим мир, любопытном и наивном, о его встречах с добрыми и злыми людьми и животными. Немножко смешно, немножко грустно и очень-очень жизненно.

Оглавление

- 1. Белый свет**
- 2. В собачьей стае**
- 3. Злая уборщица и добрый Сергеич**
- 4. Сложный день и странные люди**
- 5. Теплый дом в поселке**

Глава 1. Белый свет

В темноту холодного подвала через небольшую отдушину ворвался тоненький лучик осеннего солнца и осветил лежащую на полу гниющую щепку. Но через минуту лучик угас, словно его и не было. И подвал снова наполнила темнота и пуще прежнего прижала маленького щенка к обтрепанной тонкой подстилке, которая совсем не защищала от холода пола. Наверное, никто на свете не знал про этого щенка, просто он однажды родился в этой подвальной темноте и давно уже привык к ней. Темнота была нестрашной: ведь рядом была его мама — большая, мохнатая, мягкая и добрая. Щенок всегда слышал ее теплое дыхание подле себя и поэтому ничего не боялся. Ну как можно бояться дома, в

котором ты родился? Каждое утро мама, ласково облизав щенка теплым языком, отправлялась добыть себе еду. Щенок чуял, ощущал, как она уходила из подвальной темноты в какую-то другую темноту и как потом, через какое-то время, появлялась и ложилась рядом с ним.

А вот в тот не очень далекий день, мама, облизав его, как всегда, своим нежным шершавым языком и накормив теплым молочком из сосков, ушла, и больше ее щенок не видел. Он ждал ее, ждал, мучительно вглядываясь в темноту, но темнота стала немой и холодной. Маленький щенок впервые ощутил себя совершенно беспомощным и одиноким.

Щенок поначалу призывно выл, с надеждой вглядываясь в непроницаемую темень, что вот-вот покажется его мама, прогонит из подвала холод, накормит его молочком, и он сладко уснет. Но мама словно утонула в темноте, большая, мохнатая, мягкая, добрая мама больше не пришла к нему. И стало некому почистить его шерстку, и она скаталась и сваялась до того, что местами оголилась кожа, и щенку стало еще холоднее.

Голодный, замерший до самых косточек, щенок стал беспокойно бегать по темному подвалу, непрерывно тихонечко поскуливая. Он потянул носом воздух: где-то совсем близко запахло мамой, щенок инстинктивно опустил нос к полу и очень явственно почувствовал запах маминых лап. Так, тыркаясь носом, щенок дошел до ступенек, которые вели наверх к выходу из подвала, на ступенях тоже сохранился запах маминых лап. Как именно маленький щенок карабкался по крутым ступеням этой лестницы, это может хорошо представить себе только очень больной или старый ослабевший человек. Но когда лестница была все же одолена, щенок весь мокрый, на дрожащих лапах, обернулся назад и, не удержав равновесия, снова упал. Однако каким-то чудом удержался на пятой ступеньке. Итак, перед ним снова высились четыре крутых и, на первый взгляд, непреодолимых ступеньки. И тогда обессиленный щенок снова подполз к ступеньке, возвышающейся перед ним, и, положив на нее мордочку, а потом и передние лапки, подтянулся и вскинул свое тельце, и таким вот образом постепенно вновь одолел крутую лестницу, которая была у него на пути. Может, инстинкт, что вложила природа в каждое живое существо, помог маленькому щенку додуматься до столь сложного приема, и он успешно выбрался из подвала наверх и долго лежал, тяжело дыша. А впереди, сквозь дощатую дверь, во все щели бил яркий свет и врывались не знакомые для щенка звуки.

Отдохнув, щенок протиснулся под дверь и вылез на белый свет. И тут же пошатнулся и упал: и от голода, и от физического напряжения, и от этого огромного, яркого и шумного мира, ошарашившего его.

Побежденный голодом и страхом щенок был на грани смерти. А вокруг привычно суетился большой город, никто из прохожих даже не заметил, что на асфальте лежит неподвижная кроха, пусть даже не человеческий детеныш, но все-таки кроха, нуждающаяся в помощи. Уже давно этот мир стал равнодушен к таким трагедиям и смотрит на такие вещи пустыми безразличными глазами...

Но вот в темноту небытия, в которую проваливался щенок, стали проникать звуки, тревожить его, звать к жизни. Потом он почувствовал, как его коснулось что-то легкое. Он открыл глаза и испугался еще больше: что-то большое, яркое и разлапистое лежало на нем, но стоило ему пошевелиться, как это яркое сразу же с него слетело и распласталось на асфальте. Щенок перепугался так, что прижался к стене и закрыл глаза, приготовившись снова умереть.

— Ха! Ты что: боишься даже кленового листа, упавшего с дерева? А еще собака! Это же всего лишь сухой лист, — прочирикал перепуганному щенку старый бойкий воробей.

— Значит, я собака... Как хорошо, что вы мне это сказали, а то я не знал. А вы не знаете, кто моя мама и где она?

— Твоя мама тоже собака. Ты совсем глупый, если даже таких простых вещей не знаешь. А свою маму поищи среди собак, они всегда вон в том скверике гуляют.

— Как же я узнаю, что это моя мама?

— Ты что, разве никогда ее не видел?

— Ну-у-у, видеть не видел, но я ее очень хорошо помню: у мамы был теплый мохнатый бок, шершавый язык, которым она меня лизала, и еще она умела прогонять холод.

— Ну, прогонять холод все мамы умеют. А какой масти была твоя мама?

— А что это такое? — не понял щенок.

— Ну, это какого цвета шерсть была у твоей мамы?

— Какого цвета — это как?

— Ну вот смотри: лист, что упал на тебя, был красный, а ты сам коричневый. Ну а мама твоя тоже была какого-то цвета, вспомни, какого именно.

— Я не знаю, у нас в доме было всегда темно. Я только помню, как мама уходила в другую темноту, а потом возвращалась из нее... Я отлично помню запах маминых лап, — вспомнил щенок.

— Это уже неплохо, по запаху еще проще найти ее, сейчас как раз в сквере хозяева прогуливают своих собак. Ну, беги, малыш, я очень хочу, чтоб ты нашел свою маму, — прочирикал на прощание воробей.

В это время недалеко от места, где старый воробей так заботливо все разъяснял глупому щенку, на асфальте развалился здоровущий кот Мурзик. На первый взгляд казалось, что котище и вправду сладко спит, разморившись на солнышке, но это казалось только на первый взгляд, если хорошо присмотреться к хитрому котищу, то можно было заметить, что у Мурзика нервно подрагивают усы. Он уже давно заметил своего давнего врага: не один раз в его лапах оставались перья от хвоста этого старого воробья, но пока лишь только перья, а сам наглец-воробей еще Мурзику не попался, и это-то и расстраивало кота больше всего. Он терпеливо ждал, когда же сей наглец допрыгается и наконец-то попадет в его лапы. Но старый, умудренный жизненным опытом воробей, видимо, и не думал даже приближаться к Мурзику. Разъяснив глупому щенку, как ему отыскать свою маму, воробей вспорхнул на ветку, и котищу пришлось бы еще долго дожидаться, лежа на осеннем солнышке и притворяясь спящим. И кто знает, может, и повезло бы на этот раз коту, но его коварный план испортил глупый щенок. Не поднимая носа от асфальта, нюхая и разбирая различные запахи, он заспешил в указанном направлении — и уткнулся в пышный кошачий бок. Выйдя из подвала, щенок ощутил столько новых запахов, что родной мамин запах как-то затерялся, несколько стерся из памяти, поэтому кошачий бок он принял за мамин, такой привычно уютный, несмотря на то, что запах был вовсе не тот.

— Ура, я нашел мамин бок! — радостно завизжал щенок и стал тыркать носом в густую шерсть кота, ища там материнские сосцы.

Мурзик сначала ничего не мог понять. Округлив свои зеленые глазищи, он молча уставился на сие невиданное нахальство. А щенок лез все глубже и глубже, подлез под переднюю лапу кота, жалобно заскулил, полез выше и уперся в кошачий нос. Мурзик все это время терпеливо ждал, что же будет дальше. Но когда щенок ткнулся своим носом в его нос, тут Мурзик уже не выдержал. Вскочив и оцетинившись так, что стал похож на старую обтрепанную щетку, он грозно проорал "мммяяууу", выгнул спину и оглушительно фыркнул.

— И где это, интересно, ты видишь маму? — презрительно спросил вздыбленный кот.

— А вы разве не моя мама?

— Я — твоя мама?! Я что, по-твоему, похож на собачью маму? Ты что, совсем дурак?!

— Наверно... Вообще-то я не знаю, — доверительно признался щенок.

— Мьяяууу, зато я это точно знаю! — И Мурзик со злостью хотел ударить глупого щенка своей когтистой лапой, но тут на его голову вдруг свалилась стайка воробьев, и котище, обалдев, повалился на спину, трусливо отбиваясь от маленьких птичек. — Ну вот, всего обгадили, — брезгливо дернул он хвостом. Потом старательно облизал белый галстук у себя на груди и вспомнил, что сегодня его хозяйка собиралась печь мясной пирог. - Пойду-ка домой, может, хозяйка выдаст мне кусочек мяса, — облизываясь, промурлыкал он и потрусил в свой подъезд.

А щенок, отбежав от недоброго кота, стал бегать за прохожими, и так-то незаметно приблизился к булочной: здесь пахло чем-то очень знакомым. Двери булочной то и дело открывались, и от этого вкусный запах только усиливался. И тут щенок вспомнил, как иногда его мама приносила кусочки с таким же запахом — то был запах хлеба. Щенок залез на нижнюю ступеньку лестницы и стал терпеливо ждать. Люди заходили и выходили из булочной, и никто не обращал на щенка внимания. Но вот в очередной раз открылась дверь, и на крыльцо вышел мужчина. Щенок, увидев мужчину, трепетно заскулил, и тот присел перед щенком на корточки, погладил его и проговорил:

— Ну что, малыш, ты, наверное, есть хочешь? Вижу, что голодный. Да вот у меня, понимаешь, ничего нет для собачьего малыша. Вот только булка свежая, хочешь, могу угостить. — Мужчина вынул из пакета белую сайку, отломил кусочек и стал крошить, а щенок торопливо выхватывал вкусные хлебные мякиши и глотал их.

— Ну-ну, малыш, не торопись. Надо бы тебе молока... А вот молоком я тебя не могу угостить, я его не купил, я же не знал, что мы с тобой встретимся. Э, да ты, я вижу, совсем еще не умеешь есть хлеб. Хммм... А ты, вижу, породистый... Кто же тебя потерял? Где твой хозяин? или хозяйка? Ну не волнуйся, придут за тобой. Тебя, наверное, уже ищут. — Мужчина ласково потрепал щенка и пошел домой.

Щенок, оставшись один, торопился доесть сайку, потому что возле него уже собралась стайка голубей, которые так и норовили растащить последние кусочки. Но вот снова открылась дверь и из нее вышла женщина, ведя за руку девочку. Девочка, увидев щенка, радостно взвизгнула и закричала:

— Ой, мама, смотри, какая маленькая собачка! Она похожа на мою игрушечную, которую ты мне купила в магазине! Хочу такую же, только живую, — потребовала девочка.

— Послушай, Машенька, эту собачку нам нельзя взять к себе: у этой собачки, наверно, есть хозяин. И потом, если мы принесем в дом еще одну собачку, то та собачка из магазина, что я тебе купила, может на тебя обидеться, — схитрила женщина.

— Нет, не обидится, она же не живая! Я эту хочу, живую! — капризно топнула ножкой девочка.

— А вдруг эту собачку потеряла такая же маленькая девочка, как ты? Если она не найдет свою собачку, то будет плакать, — вразумляла мама капризную дочку.

— Ну и пусть плачет, а я все равно ее возьму, — не сдавалась девочка.

— Нет, ты ее не возьмешь! — уже строже сказала мама.

— Почему-у-у? Давай возьмем, — заканючила девочка.

— Потому что эта собачка больная, если ты ее возьмешь, то можешь от нее заразиться и заболеть. Ты что, хочешь снова пить горькое лекарство? — припугнула мама. — И притом эта собачка не будет тебя слушаться так, как слушается игрушечная.

И убежденная мамой девочка нехотя пошла за своей пугливой родительницей, оглядываясь на щенка и еле сдерживая слезы.

А тем временем щенок, увидев, как голуби пьют из лужи воду, тоже решил попробовать. И вдруг он услышал громкое и до боли знакомое "гав, гав, гав". Да, так лаяла его мама. Он обернулся на лай и увидел, что к крыльцу булочной подходит женщина, ведя на поводке большую собаку.

— Мама, мама, — жалко заскулил щенок.

Большая собака потянулась к нему носом и обнюхала.

— Джеки, когда ты научишься себя пристойно вести, как приличные собаки? И не вздумай снова тянуться к бродяжке, понял? — строго сказала женщина, привязала Джеки у дверей и зашла в булочную.

— Мама, ты моя мама, я знаю: только ты так лаяла! — радостно завизжал щенок и, подбежав к большой собаке, стал тыркаться носом ей в живот.

Большая собака, присев на задние лапы, деликатно оттолкнула щенка и важно сказала:

— Я не могу быть твоей мамой.

— Почему? Ведь моя мама точно так же лаяла, — недоуменно возразил щенок.

— Малыш, я не могу быть твоей мамой, потому что я пес, как и

ты, мы оба собаки мужского пола.

— Кто же тогда может быть моей мамой? — растерянно спросил щенок.

— Твоей мамой может быть только собака женского рода, — назидательно ответил умный пес.

— Как же мне ее найти? — грустно спросил щенок.

— А кто у твоей мамы был хозяином? Ведь собака обязательно должна быть чья-то. Впрочем, не всегда так: бывают и бездомные собаки. Так где и у кого вы жили? Где ваш с мамой дом и кто хозяин? — спросил пес.

— А что такое дом и что такое хозяин? Я ни разу не слышал, чтобы мама говорила про них.

— Дом, это там, где ты родился и жил, а хозяин, это тот, кому твоя мама служила, кто ее кормил и выводил гулять. Ну, в общем, хозяин — это хозяин. Или хозяйка, вот как у меня.

Щенок помолчал, а потом очень тихо ответил:

— У нас никого не было, и дома у нас почему-то всегда было темно, а когда мама ушла и не пришла, темнота стала злой и холодной.

— Так... С тобой, малыш, все понятно: твоя мама была бездомной собакой, и жили вы, вероятнее всего, в подвале.

— И что же это значит? — спросил щенок, предчувствуя в этом предположении что-то нехорошее для себя.

— Это значит, что свою маму ты должен искать на улице. Не огорчайся, она быстро найдется. Если, разумеется, с ней не случилось самого плохого.

— А что это такое — самое плохое? И почему оно может случиться с моей мамой?

— Ну, потому что на свете, к сожалению, бывает не только хорошее, но и вот это самое плохое и его иногда бывает гораздо больше. Ну, не огорчайся, лучше беги, ищи свою маму. Она наверно там, где городская свалка, там обычно обитают бездомные собаки.

Может, этот умный пес мог объяснить щенку и еще кое-какие нужные и важные вещи, но в эту минуту дверь булочной открылась, и хозяйка повелительно крикнула:

— Джеки, домой! — И, отвязав поводок, повела пса за собой.

Сначала щенок долго бежал за умным псом, а умный пес покорно шел на поводке за своей хозяйкой. И маленький щенок удивленно смотрел на большого пса и не мог понять, почему он, такой большой и умный, покорно идет, привязанный на коротком поводке. Неужели ему совсем не хочется бегать свободно, без

поводка, вот так как мне — подумал щенок. Неизвестно, что бы еще мог подумать щенок, но в эту самую минуту пес вдруг обернулся и сказал:

— Смотри, малыш, вон идет собака-дама, спроси у нее: может это и есть твоя мама? Хотя ее ведет хозяин, ну ты все-таки спроси: может, дама согласится принять тебя своим щенком. Ну, счастливо тебе, малыш! — доброжелательно пролаял умный пес и скрылся за поворотом вместе со своей хозяйкой.

Щенок бросился бежать к собаке-даме, но, не добежав до нее несколько шагов, споткнулся и кубарем подкатился под ее лапы.

— Нет, это полное безобразие, ну никакой воспитанности! Бросаются прямо под ноги! — возмутилась собака-дама и, наклонившись, осторожно обнюхала щенка. — Вы кто, молодой человек? И почему бегаετε, сломя голову? Так можно и покалечиться.

— Мне сказали, что вы можете согласиться стать моей мамой... Дело в том, что у меня потерялась мама... — жалобно пропищал щенок.

— Все равно это не оправдывает вашего безобразного поведения. Тем более что вы еще не знаете моего мнения: согласна ли я стать вашей мамой. — И собака-дама горделиво задрала голову.

— Значит, вы не хотите быть моей мамой? Ну почему? Я буду очень-очень послушным! — поклялся щенок.

— Это хорошо, если вы будете расти послушным, но ведь дело не только в вас, дружок.

— А в чем же? — обиженно спросил щенок.

— В том, что у меня у самой когда-нибудь появятся свои детки. Но это случится лишь после того, как я стану замужней дамой, а пока я еще слишком молода для этого. Я боюсь, что не справлюсь с вашим воспитанием, вам надо попросить об этом более зрелую собаку, у которой уже есть свои щенки. Не обижайтесь на меня, дружок, — виновато извинилась собака-девушка и побежала за своим хозяином.

А щенок побежал, сам не зная куда. Он так устал от этого своего первого самостоятельного дня, что, обессилив и уже не соображая, где находится, бухнулся на землю прямо возле мусорных контейнеров и сразу же провалился в крепкий сон.

Глава 2. В собачьей стае

Его разбудил сильный толчок в бок. Он открыл глаза и, еще ничего не осознавая спросонья, хотел тут же спрятать свой нос, чтобы опять уснуть, но снова получил в бок.

— Эй, ты, тут подыхать не положено! Иди, в другое место, понял? Ты, что не слышишь? — Щенок с трудом разлепил глаза. Его окружала стая собак: здесь были и старые, и молодые, и еще не окрепшие щенки чуть больше его самого.

— А что это такое — подыхать? — спросил щенок.

— А это когда ты окочуришься от голода и становишься дохлятиной, чтобы кормить червей своими потрохами, а проще говоря, это когда тебя черви едят. Ну теперь понял, сопляк? А теперь дуй отсюда, — прорычал щенку злобный облезлый пес.

— Мне некуда идти... У меня потерялась мама, я ищу себе маму, вы не знаете, где мне ее найти? — тоненько потявкал щенок.

— Иди ищи ее в другом месте! — зло залаяла стая хором.

— Почему? — удивился щенок.

— Потому что это наши мусорные контейнеры, нам самим не хватает жратвы на прокорм, да еще человеки лезут, тоже жрать хотят, — пролаял Облезлый.

— Пойдите, не гоните его, я возьму его к себе, — вдруг заступился за щенка молодой пес, у которого все тело покрывала короста, а левое ухо было разорвано.

— Во, во, веди его к своей мамаше, пусть пригреет еще одного подкидыша, да в добавок подкормит своих голодных блох свеженькой кровушкой, — насмешливо прорычал Облезлый.

— Эй, ты, пошли скорей со мной, пока нам обоим не попало! — гаркнул Рваное Ухо и быстро побежал. Щенок — за ним. Догнав Рваное Ухо, он удивленно спросил:

— Почему мы так быстро убежали от них?

— Если бы мы с тобой остались, там бы нам задали трепку.

— А что такое трепка? — не унимался щенок.

— Гм, ты разве никогда не получал трепки? — удивился Рваное Ухо.

— Нет, никогда. А что это такое?

— А вот что это такое. — Рваное Ухо свирепо зарычал и больно треснул щенка лапой, да так, что тот не удержал равновесия и отлетел в сторону.

— Ты чего? — обиженно взвизгнул он.

— А вот это и есть трепка, понял? Так что старайся больше ее не просить, — поучительно растолковал Рваное Ухо и снова устремился вперед, сопровождаемый щенком.

— Куда мы бежим? — немного погодя примирительно спросил щенок.

— Сейчас мы с тобой придем на рынок, где торгуют мясом. Ты должен будешь стащить у мясника самый большой кусок и отдать его мне, а потом мы с тобой по-братски поделим его, понял?

— Понять-то понял, но вот что такое "стащить", извини, не понял, — честно признался щенок.

— А тут нечего и понимать: подкрадываешься к самому большому куску и, пока мясник не видит тебя, хватаешь этот кусок и удираешь.

— А если мясник все-таки увидит, что я стащил, я что, должен буду бросить этот кусок?

— Нет, ни в коем случае нельзя бросать украденный кусок! Иначе, если поймают, еще больше обозлятся. А так, поймают с куском в зубах и, если человеки добрые, поймут, что ты жрать хочешь; конечно, поколотят для приличия, но и отпустят с куском.

— предупредил Рваное Ухо. — Ну вот, мы и пришли. — Рваное Ухо огляделся и быстренько нырнул под стол, на котором огромными горами было навалено сырое мясо. Однако щенку было не под силу задрать голову, чтобы разглядеть это мясное изобилие.

— Эй, ты чего встал с открытой пастью? Хочешь, чтоб тебя заметили и прогнали? — жарко зашептал под столом Рваное Ухо. — Ползи сюда, пока тебя никто не видит. — Он схватил щенка за ухо и затащил его под стол.

— А как воруют это самое мясо? — спросил щенок.

— Опять ты задаешь идиотские вопросы! Скажи-ка: ты голодный?

— Да, я бы сейчас поел бы чего-нибудь, например, молочка из маминых сосочков, — мечтательно вздохнул щенок.

— Ох, ох, какие мы нежные, мамино вымя ему подавай! А вот этого не хочешь? — И щенок вмиг вылетел из-под стола прямо туда, где мясник рубил мясо большим топором. И какой бы болезненной ни была оплеуха, которую ему вlepили, он больше всего боялся разочаровать своего наставника.

— Давай, хватай мясо, пока мясник не спохватился, — шипел из-под стола Рваное Ухо.

— Какое мясо-то хватать, здесь же его много? — растерялся щенок.

— Да какая тебе разница, какое! Бери, которое ближе к тебе. Понял? — злился под столом Рваное Ухо.

И щенок добросовестно вцепился зубами в первый попавшийся

кусочек. Это была та самая туша, которую мясник собирался разделывать, она уже лежала на деревянном чурбане и один край этой туши низко свесился, и вот в него-то и вцепился наивный щенок. Мясник же тем временем, вытирая грязным фартуком свой потный лоб и ничего не подозревая, взялся за топор и уж было замахнулся, как вдруг раздался дружный хохот толпы. Мясник почувствовал какой-то подвох, оглянулся, ясно понял, что хохочут над ним, и стал озираться, тоже непонимающе улыбаясь. Сначала он оглядел себя, но не увидел ничего такого, что могло бы вызвать смех, однако толпа продолжала гоготать, хватаясь за животы. Тогда он глянул себе под ноги и узрел какое-то мелкое шевеление возле туши. Он пригляделся повнимательнее, и топор выскользнул из его рук. Какой-то крохотный кутенок, намертво вцепившись в тушу и растопырив все свои четыре лапки, пытался стащить ее с чурбана. От натуги щенок поворачивал голову туда-сюда, всем своим видом показывая, что не собирается просто так отпустить свое мясо.

— Ну, если ты ее стащишь хоть чуть-чуть с места, то уж так и быть, отрежу тебе самый большой кус, — улыбаясь, проговорил мясник.

И тут, как бы в насмешку над его словами, туша качнулась и заскользила с чурбана.

— Эй, эй, стой, ты что, дурашка, она же задавит тебя! — завопил мясник и вовремя успел подхватить падающую тушу. А зеваки уже стонали от хохота.

— Слушай, Макар, не обижай его, на, возьми деньги за кусочек мяса и отрежь кутенку. Видать, голодный он, — сказал один мужчина, протягивая мяснику деньги.

— Да я ему и так отрежу, бесплатно, так сказать, за свой счет. И уж не обижу этого храбреца, — пообещал мясник и, взяв нож, щедро отмахнул от туши добрый ломоть и кинул щенку.

Щенок посмотрел на мясника, еще не веря в то, что ему подарили такой большой кусище.

— Ты посмотри, какие у этого кутенка глаза, — удивился мужик, предлагавший мяснику деньги за мясо для щенка, — ну прям, как у человеческого дитяти. А ведь он породистый: смотри, какие у него длиннющие уши, такие вроде бы только у гончих или у борзых бывают.

— Сам ты гончая-борзая! Таких пород с отвислыми ушами хоть пруд пруди! — И два мужика, мясник и покупатель, заспорили, забыв на время про щенка.

Ничего с этим не поделаешь, такова уж человеческая порода:

спорить на любую подвернувшуюся тему, забыв о своем основном деле. Зато под столом Рваное Ухо исходил гневом и слюной, рыча на щенка:

— Эй, ты, надеюсь, не забыл про меня? Иди скорей сюда, пока у тебя не отобрали этот кусок! Слышишь, что я тебе говорю?

Но растерявшийся щенок бестолково сидел с большим куском мяса в зубах и никак не мог оторвать взгляда от споривших людей. И думал: как же человеки похожи на нас, собак, — та же повадка спорить и драться.

— Ты чего, ошалел от жадности, решил все сам слопать? Так нечестно! Мы же договаривались с тобой делиться! Эй, слышишь? — шипел под столом, сгорая от нетерпения, Рваное Ухо.

Щенок вдруг почувствовал, как он устал, у него занемели сцепленные челюсти, ему захотелось зевнуть. Но едва он шелохнулся, как из-под стола выскочила какая-то тень, вцепилась в кусок мяса и рванула его вместе со щенком под стол. И это мясо было проглочено в один присест, только тот крохотный кусочек, что был зажат у щенка в зубах, чудом уцелел.

— Гав, гав, гав, — рассердился щенок и вцепился нахальному псу прямо в нос.

— Э, да ты не только жадничаешь, но еще и дерешься! — зарычал на него нахальный.

И щенок мигом вылетел из-под стола от знакомой уже оплеухи, и только тут понял, что это был сам Рваное Ухо. Щенок проглотил то, что у него оставалось в зубах, и обиженно заскулил.

— Да ладно тебе скулить! Сейчас не время! Надо побыстрей уносить отсюда ноги, пока человеки не очухались! — рыкнул Рваное Ухо и стремглав вылетел из-под стола, за ним и щенок.

Они неслись, не разбирая дороги. В городе уже вечерело, потянуло осенним холодком. Вдруг Рваное Ухо остановился.

— Послушай, малыш, сейчас я приведу тебя в наш ночлег, и там обитает не только моя мать, но и братья, и сестры, да еще всякие двоюродные-троюродные... Может случиться так, что ты кому-то не понравишься.

— И что тогда? — насторожился щенок.

— Нет, конечно, я тебя похвалю, скажу, что человеки дают тебе мясо, но если ты не понравишься очень многим, то тебе не стоит спать в нашем кругу, лучше где-нибудь поблизости. Для твоего же блага... — растеряно проямлил Рваное Ухо. — Ну, ничего страшного в этом нет, будем жить соседями, это тоже очень здорово.

Однако маленькому щенку не очень-то понравилось, что он

снова останется один и будет спать без Рваного Уха. Они вбежали на какую-то заброшенную стройку или в развалившийся дом, щенок так и не понял, что это было.

— О, смотрите, Рваное Ухо опять кого-то подобрал! — зло визгнула рыжая, вся в обвислых клочьях шерсти собака. Мало нам своих, так он еще с улицы ведет!

— Ну что ты, дура, сразу лаяться взялась! Сейчас посмотрим, кого это он нам привел, — прохрипел в дальнем темном углу старый немощный пес.

Щенка окружили со всех сторон, его обнюхивали, толкали, а самые наглые даже покусывали, но щенок терпел: ему ужасно не хотелось оставаться одному ночью.

— Ладно, пусть идет к старому под бок, все теплее будет, — смилостивилась рыжая, и тут все загалдели, забыв про щенка.

Зато старому псу повезло — как только щенок оказался возле него, старый незамедлительно приказал ему:

— Ну-ка, малый, помоги мне немного блох погонять, а то совсем заели. Ты что, оглох или спишь уже? — зарычал на щенка старик.

Но щенок так устал, этот первый его день вне подвала был так перенасыщен, что, наверное, равнялся целому году. Он слышал, проваливаясь в сон, как Рваное Ухо хвастался, что будто бы это ему, Рваному Уху, мясник сегодня отмахнул по-дружески здоровенный ломоть мяса. Но спать щенку так и не довелось: крепкий толчок в бок заставил его вздрогнуть.

— Слушай, малый, мы так не договаривались! Если не будешь слушаться меня, тебя вышвырнут на улицу! — зло рыкнул щенку в ухо старый пес.

— Но я же...

— Ты здесь пока еще ничего не значишь! Я тебе приказываю: полови у меня блох, а если не хочешь, то ступай обратно на улицу, понял? — хрипло прорычал старик.

И щенок сонный, с полузакрытыми глазами, принялся тыкаться носом в грязный, шелудивый, давно не мытый бок.

Постепенно собачья стая стала успокаиваться. Кое-кто уже спал, было слышно, как собаки чешутся, и тут случилось непредвиденное — то ли оттого, что щенок нанюхался вонючей шерсти старика, то ли от проглоченного впервые кусочка сырого мяса щенка вдруг начало рвать и его живот скрутила ужасная боль.

— Эй, кто-нибудь! В стае появилась дохлятина! — залаял один из псов, заметив, что щенку плохо.

— Ну, кто еще там издох? Неужели старый Барбос? —

заволновалась рыжая.

— Да нет же, это ваш сопливый щенок, которого вы мне подсунули! А старый Барбос еще крепок, он еще поживет ого-го. Да уберите его от меня, иначе меня самого стошнит! — взвизгнул старик.

— Да ты на себя посмотри, скоро сам будешь такой же дохлятиной, — насмешливо заметил какой-то юный пес.

— Вот ты и выброси этого доходягу, если такой умный, — зашумела вся стая.

Не успел щенок опомниться, как его схватили чьи-то крепкие зубы и вынесли из укрытия на улицу.

Щенка сразу же обхватил холод, но ему от этого стало немного лучше. Мне бы еще попить воды, а то сильно болит живот, подумал щенок. У него и вправду все нутро горело. Благо, что с наступлением осенней ночи стал накрапывать дождь, хотя это и не очень приятно — остаться в осенней ночи под нудным дождем, но для маленького заболевшего щенка не было большей благодати: он быстро нашел лужу, напился холодной освежающей воды, и боль немного утихла. Опустив нос к асфальту, вбирая в себя все запахи, щенок медленно поплелся, не поднимая головы, и вдруг уперся во что-то, и сейчас же его накрыло что-то темное. Щенок так испугался, что весь сжался от страха в маленький комочек, но проходили минуты, а с ним ничего плохого не произошло, даже наоборот: он согрелся и капли осеннего дождя перестали на него падать.

Может, этот кто-то очень добрый пожалел его и укрыл от холодной ночи? — подумал щенок. Он полежал так, слушая, как капли дождя скребутся о его невидимое укрытие. Потом решил разузнать: можно ли выбраться из этого столь неожиданно свалившегося на него укрытия. Все-таки лучше бегать везде, нежели всегда сидеть в западне, пусть даже в такой теплой, как эта. Щенок осторожно стал обнюхивать то, что его так неожиданно накрыло, запахло чем-то давно знакомым. Щенок нащупал, как ему показалось, какой-то край и попробовал приподнять то, что накрывало его. Сначала ему удалось высунуть нос. Тут же запахло ночной свежестью, и дождевые капли радостно запрыгали по носу. Щенок высвободил голову и все понял: просто на него упала картонная коробка. Щенок облегченно вздохнул и, юркнув обратно под коробку и свернувшись там калачиком, сладко заснул.

Глава 3. Злая уборщица и добрый Сергееч

Утро наступило холодное — вчерашний теплый осенний день был последним, поздняя осень решительно вступала в свои права. Щенок выполз из-под коробки и первое, что он увидел, была недовольно шелестящая стая летящих листьев, холодный заплаканный ветер зло гнал их куда-то прочь. Вперемежку с листьями кружились клочки бумаги, катились, звякая, пустые жестяные банки, звенели стеклянные бутылки. И по асфальту забарабанил дождь, и то были уже не мелкие игристые капельки, а настоящий сердитый осенний дождь. И вместе со всей этой кутерьмой и ледяными брызгами ветер потащил и щенка, и хотя тот и сопротивлялся всеми четырьмя лапами, но таким образом дотащил ветер его до какого-то высокого крыльца, а сам как будто растаял. И дождь закончился, оставив после себя сырость и пронизывающий холод.

Щенок взобрался на крыльцо, сел под козырек перед дверями и стал ждать, сам не зная чего. Но вот двери начали открываться и закрываться: туда торопливо вбегали люди. Спешат поскорее спрятаться от дождя? — предположил щенок. Он не знал, что это был один из солидных городских офисов, и что все эти люди там работали. Улучшив момент, щенок тоже проскользнул между дверей и сразу же оказался в теплом и красивом вестибюле. Он очень растерялся и не знал, что делать дальше. А тут случилась еще одна неприятность: с его шерстки стекла вода и образовалась грязная лужица, да в придачу щенок от волнения еще и нечаянно пописал, отчего совсем растерялся и упал духом.

— Это что еще за диво? Кто привел с собой на работу щенка? Ну прям как дети малые: сами грязь таскают, еще и животину за собой тащат. А он вон что натворил: обмочился. А ну пошел вон! — визгнула толстущая уборщица и стала выталкивать щенка за дверь разлохмаченной шваброй. Щенок вцепился зубами в колючую щетину — и давай ее терзать. Уборщица завизжала, будто призывала всех на помощь в войне против маленького щенка. Но и щенок не сдавался, он мотал ни в чем не повинную швабру из стороны в сторону и сердито рычал.

— Караул, помогите, напал среди белого дня! Сожрать хочет! — диким голосом заорала уборщица, имея в виду не себя самое, а свое орудие труда, терзаемое щенком, и, отняв у него швабру, стала отталкивать щенка своими ножищами в ботах 43 размера.

— И кто же, Анна Степановна, на вас напал, такой кровожадный? — поинтересовался вошедший мужчина, разглядывая внушительную фигуру уборщицы, которую собирались сожрать.

— Да вот полюбуйтесь! — Уборщица принагнулась, ловко подцепила щенка шваброй и поднесла прямо к лицу вошедшего. Щенок не удержался на щетине и стремительно полетел вниз. Вошедший едва успел поймать его руками.

— Так это он хотел вас съесть? Сейчас мы, уважаемая Анна Степановна, с ним разберемся, — улыбаясь, пообещал вошедший.

— Вот-вот, разберись, Сергеич, кто эту гадину сюда приволок, — притворно всхлипнула уборщица.

— Вот те на: это же мой старый знакомый! — удивленно воскликнул мужчина.

Щенок насторожился: что-то было знакомо щенку в этом человеке. Булка! Ну да, румяная хрустящая булка, вспомнил щенок и стал радостно лизать знакомые человеческие руки.

— Надо же, узнал! Вы только посмотрите, он узнал меня, — обрадовался Сергеич-булка.

— А кто, по-вашему, будет убирать вот *это* после вашего знакомого?! — с новой силой завизжала уборщица, тыча шваброй в крохотную, еще не успевшую высохнуть лужицу после щенка.

— Ну, Анна Степановна, у нас для этого, кажется, в штате числится уборщица, — усмехнулся Сергеич-булка.

Анна Степановна, раздосадованная откровенным намеком, затихла и, накинув на швабру тряпку, стала яростно возить ей по полу. А Сергеич-булка со щенком вышел на крыльцо. Он посадил щенка в уголок крыльца и погладил его. Щенок радостно заскулил.

— Ну и как же ты меня нашел, и где твои хозяева? Ведь ты же породистый, спаниель, ты смотри, какие у тебя длиннющие уши! — восхищался Сергеич-булка. И в ответ на человека глянули щенячьи глаза, преданные и осмысленные.

— Ты вот что: посиди здесь и подожди меня, я скоро приду. Сидеть! — приказал Сергеич-булка строгим голосом, и щенок замер, словно каменное изваяние. Сергеич-булка отсутствовал недолго. Он вышел, неся чашку молока с покрошенной туда булкой.

— Ешь и не торопись, — велел он щенку. — А я закончу работу, и мы вместе пойдем домой.

Щенок сунул мордочку в чашку и не вылезал оттуда, пока все не съел, а Сергеич-булка сидел рядышком на корточках и рассуждал:

— Так, брат, с тобой все понятно: ты не терялся, просто ты, наверное, ничей, так тоже бывает. Но ты не огорчайся, мы что-нибудь придумаем, вот только закончу работу. Да... Похоже, мне тебя сама судьба послала... Вот как мы с тобой поступим: после работы я заберу тебя домой, сначала поживешь у меня, а потом отвезу тебя к своему батяне. Знаешь, какой меня мировой старик, только вот с недавнего времени прихварывает. Будете коротать денечки вдвоем, и ты будешь присматривать за ним в мое отсутствие. Договорились? А сейчас сиди здесь и никуда не убегай. Сидеть! — снова строго приказал Сергеич-булка и зашел в офис.

Щенок доел последние комочки в чашке, и хотел уже было подремать, но тут дверь офиса открылась и на крыльцо выплыла толстуха-уборщица со своей колючей шваброй. Она никак не могла простить то, что ее заставили подтирать лужу после какого-то собачьего заморыша, и жаждала мщения. Она выждала, когда Сергеич оставит своего подопечного, и вышла, чтобы выместить на щенке свое плохое настроение и отомстить за свое унижение, хотя то было не унижение, а выполнение ее прямой служебной обязанности.

— Ну что, гадина, ушел твой защитник? Так, паршивец, нажрался, а теперь мотай отсюда. А ну пошел! — И она замахнулась на щенка шваброй.

Но щенок не собирался убежать от доброго Сергеича-булки, он только отбежал в сторону и сердито зарычал.

-Ах ты, мерзкая лягушатина, ты на меня еще рычать вздумал? Мало того, что меня заставили твою вонючую лужу подтирать, да насмехались надо мной, так ты еще вдобавок и рычишь на меня? А ну брысь! — И уборщица затопала на щенка своими исполинскими ножищами.

Однако щенок и не думал уходить: ведь ему Сергеич-булка строго-настрого приказал сидеть на месте. Невзирая на команду "брысь!" щенок весело бегал по крыльцу и оглушительно лаял. Толстой уборщицы он не боялся: чего ж бояться, если у него есть сильный покровитель Сергеич-булка. Зато уборщице совсем было не до веселья: она боялась, что Сергеич услышит, как щенок лает, выйдет на крыльцо и все увидит, а ей очень хотелось, ну просто до слез хотелось прогнать щенка навсегда.

Уборщица гонялась за щенком недолго, к сожалению, ей повезло: когда щенок подбежал к краю крыльца, она изловчилась и смела его своей шваброй. Щенок слетел с высокого крыльца словно мячик, стукнулся об асфальт и пребольно ушибся. Вскочив

на лапы, он завизжал так, что даже злая уборщица растерялась. Щенок крутился вокруг себя и визжал, будто плакал, и он действительно плакал, потому что сильно зашиб лапку. Потом он затих и жалобно посмотрел на уборщицу.

— Уйди, зараза, ишь ты, разжалобить меня хочешь. Не выйдет! Пусть твой Сергеич тебя гладит и сюсюкает! Если найдет, конечно, — ядовито добавила уборщица. — А ну, пошел! — И, махая на махонького беззащитного щенка шваброй, злющая толстушая тетка безжалостно погнала его прочь.

Бедный щенок бежал, прихрамывая на ушибленную лапку, и думал, что все равно вернется сюда. Однако он убежал слишком далеко от офиса и уже не сумел его найти, ведь город большой, а щенок пока еще был маленьким и неопытным. Щенок не знал, что после того, как он убежал от офиса, Сергеич-булка вышел посмотреть его, но нигде не нашел, лишь подобрал недалеко от крыльца перевернутую пластиковую чашку, из которой кормил щенка и, догадавшись, что произошло, зашел в офис и молча кинул под ноги мстительной уборщице пустую чашку. И пристыженная Анна Степановна виновато поняла, что она теперь не посмеет даже рта раскрыть, тем более что у Сергеича всегда безупречно чистые ботинки.

Наступал вечер, люди спешили к себе в уютные теплые квартиры, и никто из них не обращал внимания на бегающего по городу маленького щенка, а он то за одним прохожим побежит, то за другим, пытаясь заглянуть в глаза. Он пытался спросить у этих умных и вроде бы не совсем уж злых людей, почему в таком большом городе нету теплого сухого уголка для маленького щенка — для него.

Набегавшись так, щенок промок, что говорится, до нитки и решил поискать себе прибежище, где бы ему было переночевать, спрятавшись от дождя и ветра. Но картонных коробок нигде не было видно, их еще днем собрали и увезли на переработку, да и в осенней темени много ли найдешь. Тычась носом туда-сюда в темном городском парке, щенок нашел под скамейкой старую, кем-то брошенную или забытую сумку, залез в нее и сразу стал согреваться. Мерзкий осенний дождь на него уже не лил, да и ветер его не доставал. Так он проспал всю ночь.

Глава 4. Сложный день и странные люди

Проснулся щенок оттого, что кто-то совсем близко от него

громко разговаривал.

— Ты точно, Егорыч, вчерась тут ее оставил? — спрашивал один.

— Дык мы с тобой вместе здесь пузырь распивали, — бубнил второй. — Куда она могла затеряться... Можь, кто подобрал... А старуха-то меня ж домой не впустит, если я ее чертову сумку не найду.

— Егорыч, да вот же она, смотри!

И чьи-то руки схватили сумку вместе со щенком так, что тот закачался, как в люльке. Щенку это не очень-то понравилось, и он насторожился.

— Слышь, Егорыч, а она чтой-то тяжелая, можь, мы с тобой вчерась здесь еще один пузырь забыли, иль ты его от меня припрятал?

— Ничего я там не прятал. Отдай-ка ее сюда.

И тут к щенку в сумку полезла грубая волосатая рука, и тот, возмущенный такой наглостью, недолго думая, взял да и тяпнул ее. Ничего не подозревающий мужик от неожиданности подпрыгнул и заорал: а-а-а-а!

— Ты чего, Егорыч? — не понял его напарник.

— А-а-а, в ней какая-то змеюка сидит и меня за палец ужалила! — ревел мужик.

— Так вытряхни ее.

— Вот сам и вытряхивай!

— Ну и вытряхну, подумаешь, змеюка! — Сумка перевернулась вверх дном, и из нее вывалился щенок.

— Убью заразу! — заревел мужик и занес над щенком волосатый кулачище.

— Погодь, Егорыч, не горячись, — остановил его напарник. — Это ж спаниель, это такая собачья дорогая порода. Счас мы его отнесем на рынок: знаешь, нам какие деньжищи отвалят, сможем тогда целый месяц водяру пить.

— Вот ты и неси его на рынок, а с меня и одного пальца хватит, — огрызнулся Егорыч.

Но щенок уже был не в сумке. Этого как раз два друга и не учли: едва Егорычев напарник протянул руки, чтоб схватить щенка, как тот ловко увернулся от его рук и пустился наутек. Напарник ринулся за ним.

— Егорыч, помогай ловить эту тварь, а то убегут наши деньжищи! Егорыч, жми ему наперерез, а то уйдет, гад!

Егорыч, перепрыгивая через все скамейки, которые ему попадались на пути, бежал резвее своего напарника. Волшебное

слово "деньжищи" придавало ему силы, так как он вчера легкомысленно прокутил все деньги, выданные ему супругой для покупки на рынке продуктов по списку. И вот, оказывается, можно за счет этой маленькой твари разбогатеть. А щенок, видя, что к нему бегут сразу с двух сторон, резко остановился и сел. Егорыч с напарником тоже остановились, но потом, обрадованные, ринулись к щенку с растопыренными руками. Однако щенок в последнюю секунду искрой проскочил между двумя мужиками, и те, с разбега налетев друг на друга, повалились. В парке послышалась такая брань, что прохожие останавливались и с любопытством смотрели, как два нетрезвых мужика лежат на спинах и беспомощно дрыгают ногами и руками. А щенок убежал в дальний конец парка и, забившись под скамейку, затаился.

Но долго он там не поскучал: к скамейке вскоре подошла пожилая женщина с коляской, в которой сидел малыш и внимательно рассматривал окружающий мир круглыми удивленными глазами. Женщина уселась на скамейку и стала забавлять малыша погремушкой, приговаривая "мой внучонок Темочка, мой любимый мальчик, мой птенчик, мой зайчик", потом достала бутылочку с молоком и дала ее внуку. Щенок, увидев молоко, не вытерпел, вылез из-под скамейки и потянулся заглянуть к малышу в коляску. Малыш, увидев щенка, улыбнулся беззубым ртом и радостно протянул ручонку.

— Нельзя, ишь ты какой! Это молочко для Темы, — пояснила Темина бабушка, погрозив щенку пальцем.

Но щенок не отступал и все равно лез в коляску к малышу, потому что ужасно проголодался, ведь сегодня он еще ничего не ел. Темина бабушка посмотрела в голодные глаза щенка и сочувственно вздохнула:

— Ну, хорошо, подожди, я посмотрю у себя в сумке, если что найду, то, так и быть, угощу тебя, только больше не лезь в коляску к Теме, ладно? — Она раскрыла сумку, поискала там и вытащила для щенка сочную сосиску. — На, ешь на здоровье. — И, встав со скамейки, покатила коляску с малышом дальше.

Щенок, управившись с угощением, побежал по дорожке, по которой ушла бабушка с коляской, но, пробежав немного, остановился. Он увидел, что сидевший на самой крайней лавочке мальчишка с аппетитом пьет молоко прямо из надорванного пакета. Щенок подбежал к нему и просительно заскулил.

— Что, молочка хочешь? Иди сюда, — пригласил мальчишка и похлопал рукой по лавочке.

Но сколько щенок ни пытался запрыгнуть, у него это не получалось: ведь лавочка была для него слишком высокой.

— Что, не дорос еще? — ухмыльнулся мальчишка и поднял щенка сам. — Ну, открывай свою пасть, — сказал он и капнул на мордочку щенка молоко из пакета.

Щенок облизнул молоко, и дело пошло. Напившись молока, оба еще немного посидели на лавочке, но тут осень снова распахнула свои тучи, и снова зарядил дождь. Щенок, спрятавшись под куртку мальчишки, все равно промок и дрожал от холода. И он чувствовал, как по худому мальчишечьему телу тоже пробегает дрожь.

— Вот что, пошли где-нибудь спрячемся от дождя, — предложил мальчишка и, выпустив щенка из-за пазухи, заторопился из парка. Щенок побежал за ним.

А осень будто старалась изо всех сил именно сегодня смыть последние яркие краски в этом и без того неуютном городе, насквозь продуваемым ветром. И поэтому на улице было так безрадостно. Мальчишка, подняв воротник куртки, забежав в подъезд дома, запустил за собой щенка, и они уселись возле холодной батареи. Щенок по-хозяйски залез мальчишке за пазуху, и они попытались хоть чуть-чуть согреть друг друга. Они даже начали подремывать, умиротворенные: в подъезде хоть и холодно было, но зато дождь не лил и ветер не сек.

Но тут появилась дворничиха, подошла к мальчишке и затрясла его за плечо:

— Эй, Василиса, ну-ка вставай, иди домой к матери! Ты ее когда-нибудь на тот свет загонишь своим бродяжничеством. Мать вся испереживалась, а ей хоть бы что. пожалела бы мать! И что за мода одеваться как мальчик? Ты же девочка! Да еще собачонку притащила, — возмущалась дворничиха, заметив выглянувшую из-за пазухи щенячью мордочку.

— Не пойду к ней! У нее теперь есть новый ребенок, вот пусть его и воспитывает, а я как-нибудь и без нее проживу, — буркнула Василиса.

— Как это ты без матери обойдешься? Не дури! Вон скоро совсем невестой станешь, тебе материнская помощь ой как нужна будет. Ступай-ка домой, так-то будет лучше, чем по подъездам скитаться.

— Сказала, не пойду — значит, не пойду!

И Василиса, вывернувшись из рук дворничихи, выбежала на улицу, не выпуская щенка. И сейчас же на них обрушился ледяной дождь, даже щенок у нее за пазухой сердито заворчал.

— Ты тоже хочешь сказать, что я не права? — спросила она щенка.

— Гав, гав, гав, р-р-р-ы-ы-ы-ы!!! — еще громче заворчал он.

— Хотела бы я знать, что это значит, — вздохнув, проговорила Василиса.

А щенок подумал: вот глупая, нашла, на что обижаться — на то, что у мамы появился еще один малыш, этому же только радоваться надо. А ты, дурочка, сбежала в осеннюю промозглость.

Девочка Василиса со щенком за пазухой шла, опять сама не зная, куда. Щенок снова промок и весь дрожал, дрожало и худенькое девчоночье тело, и она поплотнее запахнула курточку, которая совсем не защищала их от холода. Она просто шла, размазывая слезы вперемешку с дождем, не смущаясь: ведь все равно никто не видел, что она плачет.

Внезапно возле них, взвизгнув тормозами, остановилась машина. Из нее выскочили два человека, схватили Василису, браня ее за то, что ушла из дому и болтается по улицам в такую погоду, хорошо, что дворничиха подсказала, где ее искать. Сопrotивляющуюся Василису затолкали в машину и увезли. Она только и успела выкинуть щенка из-за пазухи. Щенок, отбежав на несколько шагов от того места, сел на дороге.

На щенка всюду лил дождь, его насквозь продувало ветром, но он сидел и думал. Как странно бывает: вот он потерял маму и поэтому ушел из того подвала, где жил и родился, этот подвал без мамы ему показался темным и холодным. Но там он был бы укрыт от дождя и пронизывающего осеннего ветра, и кто знает, если бы он не убежал так далеко от того места, у него было бы куда спрятаться от непогоды. И не сидел бы он сейчас под дождем, и совсем уж странно было бы добровольно уйти из дому в такую погоду, когда дома ничего худого нет, и за тебя там волнуются, и тем более переодеваться в мальчишку, когда ты на самом деле девочка. Просто Василисе надо было перетерпеть глупую обиду и все, ведь этот малыш, что появился в доме, это так же и Василисин малыш. Щенок вздохнул и опустил голову.

— Ты чего мокнешь под дождем, ну-ка иди сюда, под навес, заболеешь ведь так, иди, миленький, сюда, иди, — позвала щенка сердобольная старушка в очках. — Ты, видать, потерял своих хозяев. Ну ничего, они, наверно, где-то здесь недалеко. Подожди немного, они тебя хватятся и найдут.

Это была конечная остановка пригородного автобуса. Людей, едущих в пригород, было много, в основном, это были те, что торговали на рынке и те, что работали в городе, а жили в

пригороде. Подошел автобус, и люди спешно начали в него заходить. Тут щенку показалось, что в автобус зашел Сергеич-булка. Щенок рванулся с места, подбежал к автобусу и вопросительно заскулил.

— Что, тоже куда-то опаздываешь? — спросил, смеясь, подбежавший к автобусу парнишка и заботливо посадил щенка в салон автобуса.

Щенок забился под сидение и затаился. Автобус тронулся. Щенок намеревался отыскать здесь Сергеича-булку, ведь ему показалось, что он сюда зашел. Но его быстро укачало, и он уснул.

Глава 5. Теплый дом в поселке

Проснулся щенок от поднявшегося шума: это прибывшие в поселок покидали автобус. Выпрыгнул и щенок. Люди разошлись по своим домам, остановка опустела, и лишь щенок бегал-прыгал по незнакомой ему дороге.

Но вот по дороге пробежала большущая собака, за ней шел человек.

— Так, Пират, ты ступай домой, а я приду попозже, сперва зайду к Михалычу: узнаю как он там, и приглашу к нам на ужин. — И человек, свернув с дороги, зашел в калитку.

А Пират побежал к другой калитке. Щенок последовал за ним. Пират легко толкнул калитку и вбежал во двор. Калитка за ним захлопнулась, и щенок, сколько ни старался, не смог ее открыть.

На улице совсем уже стемнело. Щенок свернулся в комочек тут же, возле калитки, на пожухлой траве, и вздремнул. Но тут до его слуха донесся шорох травы, и щенок увидел, как в ограде один штакетник отъехал в сторону, и оттуда вышла кошка и пошла по своим кошачьим делам, ни капельки не обращая внимания на лежащего здесь щенка. Когда кошка скрылась, щенок подумал: дай-ка и я попробую так. Он толкнул носом штакетник, но тот не поддался. Не тот, огорчился щенок. Тогда он тронул другой, третий и, наконец-то, нашел тот самый, отъехавший и впусивший его во двор.

Двор был пуст, лишь в доме светились окна, ярким теплым светом, и было видно, как жильцы готовятся к ужину. И щенка непреодолимо потянуло в эти освещенные комнаты, и можно было подумать, что этот бродячий щенок когда-то уже жил в таких. Щенок оббежал двор и наткнулся на низенький домишко. Он заглянул туда — никого. Пробравшись в домишко, он обнаружил

там теплую суконную подстилку и, забившись в уголок, устало задремал, не подозревая, что улегся в личной будке того самого Пирата. Через некоторое время щенок сквозь сон услышал у себя над самым ухом недовольное рычание и пошевелился.

— Эй, приятель, ты, кажется, не в свою конуру попал. Ты кто такой и откуда взялся? Чего разлегся? У нас, у собак, не полагается делить с кем-то свою персональную будку, — сердито прорычал Пират.

— А, я, я... ваш гость! — волнуясь, протявкнул щенок.

— Что-то не припомню, чтобы я тебя приглашал к себе в гости! Ты не гость, ты захватчик, и притом наглый! — возразил Пират.

— Ну-ка признавайся: зачем залез в мою конуру?

Щенок испугался и вкратце рассказал Пирату, что с ним произошло.

— Ну, с тобой теперь все понятно. Тебя просто надо к кому-то пристроить жить, ну чтоб у тебя был свой хозяин, — принял решение находчивый Пират. — Моему хозяину ты уж точно не понадобишься, у него же есть я. Слушай, а давай я тебя пристрою к нашему соседу Михалычу, у него-то нет собаки.

— А вдруг я ему не понравлюсь, и он меня выгонит? — засомневался щенок.

— Михалыч никого не выгонит, он добрый, а вот мой хозяин может тебя выгнать, ему две собаки ни к чему. А теперь пошли, — повелел Пират и выбежал из будки, за ним следом и щенок.

Пират нырнул в дыру ограды, щенок за ним, они перебежали чуть видимую в вечерней темени тропку, и Пират снова нырнул — уже в дырку чужой ограды.

— Лезь сюда, — гавкнул Пират. Щенок послушно залез в дырку. — Ну, оставайся, всего хорошего, — прогавкал Пират на прощанье и предательски смылся.

Щенок обследовал весь двор, но такой будки, как у Пирата, в этом дворе не обнаружилось. Да и окна в доме не горели, видимо, хозяина к тому же не было дома. Щенок забрался на небольшое крыльцо, покрутился на нем и несмело подошел к двери, странно, что она была приоткрыта. Щенок потянул носом воздух — и на него повеяло теплом и еще чем-то давно забытым, так, по крайней мере, ему показалось.

Он пролез в дверную щель и попал в сени, здесь он тоже все обнюхал и наткнулся еще на одну дверь, которая тоже была чуть приоткрыта, щенок и туда проник. Здесь так же, как и во всем доме, было темно. И это была прихожая: там стояла обувь и висела верхняя одежда. Щенок покрутился: кругом сквозь темноту

неясно проступали незнакомые вещи и пугали щенка. Он осторожно обнюхивал то, что ему попадалось под нос, и наткнулся на что-то мягкое и ворсистое. Сначала он трусливо отпрыгнул, но потом снова подошел и, осмелев, забрался на это мягкое-ворсистое и уснул.

Сергей Михалыч возвращался от соседа и думал: завтра должен приехать сын Димка, как же он соскучился по нему. Уже месяц Димка сулит навестить отца, да все никак не может вырваться из своего офиса, все дела да дела. Но завтра обещался непременно прибыть, звонил, сказал "буду железно"...

Сергей Михалыч приостановился: опять заныло в груди слева. Эх, кабы не эта сердечная болезнь, подумал он, разве бы я ушел с работы? Вот подлечусь и сразу же вернусь на свое рабочее место. Он сунул руку в карман, положил под язык таблетку, и боль слегка отпустила. Он зашел на крыльцо, открыл двери, зажег в прихожей свет, хотел переобуться в тапочки и замер от удивления: на его тапочках спал крохотный лохматый щенок.

— Как он сюда попал? — задал сам себе вопрос Сергей Михалыч. — Неужели Димка приехал и решил подшутить надо мной? — Дима, Димка, ну-ка выходи, шалопай, хватит прятаться, — позвал Сергей Михалыч сына, но в доме было темно и тихо.

Сергей Михалыч обошел все комнаты, но сына нигде не было, да и непохоже было, что он приехал. Да и зачем ему прятаться, не пацан ведь, а взрослый дядя. Тогда откуда взялся этот щенок, недоумевал Сергей Михалыч. Видимо, кто-то подбросил. Но зачем надо было именно подбрасывать, могли бы и предложить. И кто же это такой щедрый — таких породистых щенков на рынке продают за большие деньги, а тут даром, выходит, подкинули. Ну что ж, будем знакомиться, решил Сергей Михалыч. Он подошел к щенку и хотел погладить его, но щенок сердито зарычал на него.

— Вы ко мне, господин хороший, без ведома в гости пришли, да еще на меня и сердиться изволите! Ну, ну, не сердись, лучше скажи, как ты сюда попал? — присев на корточки перед щенком, спросил Сергей Михалыч.

Взъерошенный щенок недоверчиво смотрел на хозяина дома, потом вдруг тоненько заскулил.

— А вот плакать ни к чему. Если ты ко мне пришел жить, то давай будем жить дружно. Я тебя сейчас угощу, ты, наверно, голоден.

Сергей Михалыч пошел на кухню, взял из буфета миску, налил туда молока и покрошил белую булочку. Щенок все шустро выхлебал, а потом облизал миску так, что та заблестела.

— Какой ты молодец, — похвалил Сергей Михалыч.

Щенок растрогался, разволновался и от волнения опять пописал на пол.

— А вот этого тут делать нельзя, — показав на лужу, сказал Сергей Михалыч и погрозил щенку пальцем. — Пойдем со мной. Пойдем!

И Сергей Михалыч, открыв двери, поманил щенка за собой. Щенок послушно побежал за ним.

— Иди вон туда и там делай свои дела. — Показав щенку место за домом, Сергей Михалыч не ушел в дом, а стоял и ждал, пока щенок справит свою нужду.

Сначала щенок подумал, что его опять выгоняют, но, увидев, что хозяин стоит и ждет его, быстро понял, что от него требуется, пошуршал в увядших опавших листьях и подбежал к хозяину.

— Ну что, управился? Вот молодец, вот умница, — Сергей Михалыч поглаживал щенка, а тот довольно вертелся и ликующе повизгивал.

Такой хороший человек... Ласковый, как мама... Ну, прям как Сергеич-булка, вдруг вспомнил щенок и доверчиво посмотрел на своего нового хозяина. Они вернулись домой. Сергей Михалыч принес щенку теплый коврик, постелил его в прихожей и сказал, указывая на коврик:

— Вот здесь ты будешь спать, это твое место. Место! — скомандовал Сергей Михалыч, и щенок послушно сел на коврик.

— Ну, вот видишь, какой ты умница, теперь остается решить, как тебя назвать. Может, у тебя уже было какое-то имя, да я его, к сожалению, не знаю. Придется тебе еще одно имя присвоить, — задумчиво произнес Сергей Михалыч.

Он почесал затылок, посмотрел на темное окно и задумчиво произнес:

— Осень на дворе... А что, если я тебя назову Оська — в честь осени? Нравится тебе такое имя? Ну-ка, Оська, Оська, — позвал щенка Сергей Михалыч.

Щенок вытянулся в струнку — да как затыкает, да так звонко и заливисто!

— А ты, оказывается, у меня совсем уже взрослый, — ласково потрепал щенка Сергей Михалыч. — Ну ладно, Оська, пора спать ложиться. Завтра приедет мой сын Димка — вот будет радость.

И, наконец, после долгих хлопот выключили электричество и легли спать. А за окнами шелестели опадающие листья, трепетали оголяемые ветви, барабанил противный дождь, что-то насвистывал неугомонный ветер... И для бродячего щенка,

обретшего свой дом, все было в эту ночь непросто. Ему снились пережитые кошмары: то осень бежала за ним с метлой в грязном фартуке из рваных опавших листьев, то большие машины катились прямо на него, то перед ним вырастали непреодолимые ступеньки, высоченные как горы. Щенок во сне вздрагивал, постанывал и даже повизгивал. Сергей Михалыч несколько раз вставал, чтобы успокоить его. Но сколько бы кошмарная ночь ни длилась, после нее все равно наступает день, и он бывает намного лучше.

— Оська, Оська, ну-ка вставай, засоня, — хозяин ласково потрепал щенка по головке и почесал ему за ушком.

Щенок потянулся, зевнул и проснулся.

— Ну, дружок, сегодня будем встречать Димку, моего шалопаю. Иди завтракай, а я пока схожу в магазин. И ничего здесь не бойся: это же твой дом, — подбодрил хозяин щенка и ушел.

Оська с удовольствием съел полную миску сваренной хозяином вкусной каши и начал таскать по комнатам хозяйскую обувь. Ему почему-то показалось, что так хозяину будет удобней отыскать нужные ему обувки. Хозяина очень долго не было, и Оська притомился и заснул.

А хозяин в это время в магазине расспрашивал людей, не потерял ли кто щенка спаниеля, но никто такового не терял. Сергей Михалыч окончательно убедился, что щенок бездомный, весьма обрадовался сему обстоятельству и, накупив всякой снеди, вернулся домой. Увидев, что Оська разбросал по комнатам обувь, разбудил его и немножечко наказал, пошлепав и потеряв за ухо. Потом принялся хлопотать по дому, а Оська все равно упрямо таскал за ним одну из тапочек: так он пытался загладить свою вину перед хозяином.

— Оська, ну не нужна мне сейчас эта тапка! — возмущался Сергей Михалыч и с улыбкой водворял тапочку на ее место в прихожей.

Так в заботах-хлопотах незаметно прошел и этот день. К вечеру хозяин зажег фонарь на крыльце и каждые десять минут подходил к окну, тревожно вглядываясь в осеннюю темень. Даже Оське стало интересно, что же там такого высматривает хозяин, и он начал беспокойно тявкать. Но вот к дому подъехала машина. Обрадованный хозяин вышел отпереть ворота, Оська увязался за ним.

— Сиди здесь, а то ненароком попадешь под колеса, — строго наказал Сергей Михалыч и пошел встречать своего гостя.

Оська остался дожидаться на крыльце. Послышались шаги, и

Оська увидел, что хозяин ведет с собой какого-то мужчину. Но едва шедшие попали в полосу оконного света, Оська радостно визгнул и кубарем скатился под ноги приехавшему. Мужчина удивленно поднял его на руки и поднес к светящемуся окну.

— Отец, ну не может быть такого, это же мой подарок судьбы, я его несколько раз в городе встречал, потом он ко мне в офис прибежал! Я намеревался его тебе привезти, да наша злока-уборщица его прогнала. И все-таки: как он у тебя оказался? — изумляясь, спрашивал Дмитрий Сергеич у отца, а для Оськи это был тот самый Сергеич-булка.

— Знаешь, Дим, сам теряюсь в догадках. Пошел к соседу на полчаса, прихожу и вижу: этот щен спит на моих тапках. Кто подбросил, до сих пор не знаю, — пожал плечами Сергей Михалыч.

В этот осенний вечер в этом добром доме удивлению не было конца. Потом отец и сын сидели за столом, пили горячий чай, а Оська лежал на коврике в прихожей и думал. Думал, что, если надо будет, он отдаст без промедления свое храброе сердечко, лишь бы никогда не погас свет в этом доме, и не исчезло это тепло, и были бы рядом эти дорогие ему люди.

"Никому-то я вас теперь не отдам, мои милые, мои любимые... И обижать вас никому не позволю... Потому что я точно знаю: если исчезнет этот замечательный, славный, родной дом, он уже никогда-никогда не повторится..."

Так думал маленький щенок Оська, лежа на коврике в прихожей.

Новокузнецк, 2006 г.